

ныя черты, а накладныя прикрасы, бѣлила и румяна, которыми прикрывались и замазывались значки безпотомственной смерти. Далѣе, мы увидѣли, что это не столько типъ, сколько гримаса, не столько характеръ, сколько поза, и притомъ чрезвычайно неловкая и фальшивая, созданная цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ позъ, все такихъ же неловкихъ и фальшивыхъ. Да, Онѣгинъ не былъ печальною случайностью, нечаянною ошибкой: у него была своя генеалогія, свои предки, которые наслѣдственно, изъ рода въ родъ, передавали приобрѣтаемые ими умственные и нравственные вывихи и искривленія“. И авторъ хочетъ перелистовать родословную Онѣгина. Онъ предупреждаетъ, что тѣ преемственно смѣнявшіяся положенія, какія онъ отмѣчаетъ, онъ вовсе не думаетъ выдавать за моменты нашей жизни, соответствующіе извѣстнымъ поколѣніямъ. „Нѣтъ, я разумѣю болѣе исключительныя явленія. Это были неестественныя позы, нервныя, судорожныя жесты, вызывавшіеся мѣстными неловкостями общихъ положеній. Эти неловкости чувствовались далеко не всѣми; но жесты и мины тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, были всѣмъ замѣтны, бросались всѣмъ въ глаза, запоминались надолго, становились предметомъ художественнаго воспроизведенія. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какіе-либо особые люди,— были какъ и всѣ; но ихъ фizioноміи и манеры не были похожи на общепринятія. Это были не горюхъ времени, а только сильно подчеркнутые отдѣльные нумера, стоявшіе въ ряду другихъ, общія мѣста, напечатанныя курсивомъ. Такъ какъ масса современниковъ, усѣвшихъ болѣе или менѣе удобно, рѣдко догадывалась о причинѣ этихъ ненормальностей и считала ихъ капризами отдѣльныхъ лицъ, не хотѣвшихъ сидѣть, какъ сидѣли всѣ, то эти несчастныя жертвы неудобныхъ позицій слыли за чудаконъ, даже иногда „печальныхъ и опасныхъ“. Между тѣмъ жизнь текла своимъ чередомъ; среда, изъ которой выдѣлялись эти чудачки, сидѣла прямо и спокойно, какъ ее усаживала исторія. Поэтому я не введу васъ въ недоумѣніе, когда буду говорить объ отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Онѣгина. Онѣгинъ—образъ, въ которомъ художественно воспроизведена мѣстная неловкость одного изъ положеній русскаго общества. Это не общій или господствующій типъ времени, а типическое исключеніе. Разумѣется, у такого образа могутъ быть только историко-генетическіе, а не генеалогическіе предки“.

Предки Онѣгина очевидно принадлежали всѣ къ старому русскому дворянству. Неловкости тѣхъ положеній, о которыхъ было сейчасъ помянуто, происходили, по объясненію автора, „отъ не-